

ИСТОРИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

© 2015 г. Александра Матвеевна Нечаева¹

Аннотация: в статье прослеживается исторический путь развития законодательства, касающегося воспитания детей в семье. Обращается внимание на складывавшиеся веками традиции их семейного воспитания, возникавшие под воздействием государственных предписаний, особенно тех, которые служат родительскому авторитету, приоритету интересов ребенка.

Annotation: the article is focused on the historical development of the legislation, related to the upbringing of the child in the family. Traditions of their family upbringing formed through the centuries, which appeared following state prescriptions, in particularly those supporting parent's authority and priority of the child's interests are analysed.

Ключевые слова: история, государство, закон, семья, приоритет родительской власти, интересы несовершеннолетних.

Key words: history, state, law, family, the priority of the parent's authority, interests of the minor.

Заинтересованность государства в качестве подрастающего поколения объясняет вторжение в сугубо индивидуальную сферу жизни человека, каковой является семейное воспитание несовершеннолетнего. Такая заинтересованность имела место, как только возникло Государство Российское. Она меняла способы своего выражения, в числе которых находились и нормативные акты, где так или иначе закреплялись правила, предназначенные для семейного воспитания детей. Но неизменными оставалась их направленность: государственная защита осиротевших детей, усиление родительского авторитета, что сочеталось с обязанностью выполнять родительский долг. Так постепенно из века в век формировались передаваемые из поколения в поколение нормы поведения, связанные с семейным воспитанием. Постепенно они превратились в национальные традиции. Но одни из них канули в вечность, утратили свой смысл, привлекательность, другие получили признание. Вот почему знание прошлого содержит много поучительного, позволяет отобрать в массе исторического материала полезное для нашего непростого времени. Именно поэтому в процессе совершенствования действующего семейного законодательства имеет смысл учитывать заслуживающие внимания российские традиции, связанные с семейным воспитанием. Знакомство с ними позволит определить, что стоит заимствовать из богатого прошлого, а что “сдать в архив”.

В эпоху, именуемую “Древняя Русь”, когда еще не существовало государства в современном понимании этого слова, о нормативном регулировании семейного воспитания говорить не приходится². Но о послушании детей родителям упоминалось еще в далеком прошлом, о послушании же детей отцу и матери – даже в первоначальных летописях³.

После Крещения Руси (988 г.) отношения, связанные с детьми, регулировались как старинными обычаями, так и нормами канонического (церковного) права, Русской Правдой и Кормчими книгами⁴.

Русская Правда содержала правило: дети холопов приравняются к приплоду скота⁵. Но в старину к ним относились “снисходительно”⁶. Церковь в своей деятельности руководствовалась главным образом нормами византийского права, которые вошли в так называемые Кормчие книги, впитавшие в себя православные каноны⁷. Однако она была бессильна бороться, например, с массовым бедствием того времени – продажей родителями по причине голода своих детей “при-

¹ Главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: igpran@igpran.ru).

² См.: Неволин К. История российских гражданских законов. В 3-х т. Т. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1851. С. 317.

³ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1909. С. 317.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. I. Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома В.Л. Янин. М., 1984. С. 23.

⁵ См.: там же. С. 99.

⁶ См.: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки 11–13 веков. М.; Л., 1966. С. 66.

⁷ См.: Кормчая книга. Т. I, II. М., 1912. Впервые была напечатана на Руси в 1650 г.

ежнему гостю”⁸. В отдельных случаях их продавали “вне этих обстоятельств”⁹. Естественно, в ту давнюю пору правовых проблем, связанных с семейным воспитанием детей, не возникало и не могло возникнуть. Можно говорить лишь об их положении в обществе далекого прошлого. Тем не менее после принятия христианства “святость родительской власти ограничилась”, родители уже не имели права ни на жизнь, ни на свободу своих детей. Но в Кормчей книге эта власть приравнивалась к власти “господина над своими рабами”¹⁰, отчего проблемы их воспитания не возникали вовсе.

Таким образом, в пору, когда не существовало единого Московского государства, каналы воздействия на семейное воспитание детей были специфическими. Среди них выделялись всевозможные поучения, исходившие от великих князей. Одни из них были обращены к простому человеку, должны были регламентировать его жизнь и поступки. Другие – “иному кому”. К числу первых относились поучения, направленные “против пьянства, обжорства, излишеств и языческих пережитков”¹¹. Ко вторым – не только князья, но и те, для кого предназначалась “краткая гигиена личной внутренней жизни”, что имело прямое отношение к семейному воспитанию детей, поскольку речь шла о таких поучениях, как: цени труд; молчи “при старых”, слушай премудрых: не свирепствуй словом, много не смейся, научись “языку удержанию”, “уму, смирению, телу поработению”; “понуждайся на добрые дела, не льсти, терпи”¹². Но уже в далеком прошлом отношение к детям, потерявшим почему-либо родителей, совпадало с христианским мировоззрением, способствовало формированию иного к ним отношения¹³. Однако оно основывалось на религиозных, моральных побуждениях, рассматривалось как богоугодная акция¹⁴.

С образованием единого Московского государства благодаря объединению разрозненных княжеств дети, как и прежде, находились под властью обычного и церковного права, что нашло свое отражение в выдающемся историческом памятнике – Домострое. С одной стороны, он представлял собой описание быта русского человека, с

другой – “дидактическую поэму”¹⁵, содержавшую наставления “о богоугодном устройстве жизни”. Это было уже государственное предписание, “как жить православным христианам в миру с женами и детьми и домочадцами”¹⁶. В тексте Домостроя прослеживалось несколько направлений теперь уже государственного регулирования семейных отношений по воспитанию детей: во-первых, повторяющаяся веками церковная заповедь о почитании родителей; во-вторых, призыв к родителям строго наказывать своих детей; в-третьих, не допускать такой родительский грех, как “небрежение” к своим детям. За этот грех родителям предстоит “ответ дати им самим за дети своя в день Страшного Суда”¹⁷.

Идеи Домостроя нашли свое отражение в Стоглаве (истории права), ст. 36 которого называется “О наказании чад своих”, где сказано: “Так же и юных детей своих наказуйте и учите страху Божию, чтобы жили в чистоте и в покаянии, и в прочих добродетелях. А сквернословие бы и предисловие никогда не именовалось”¹⁸.

Первый в истории России систематизированный Закон – Соборное Уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича, пытавшегося объединить церковное и светское право, содержал целый ряд правил, касавшихся детей, их воспитания родителями. Теперь родителям предоставлялось право продавать своих детей в холопство “или в крестьяне вместе с собою”¹⁹. Кроме того, это Уложение закрепляло неограниченное право отца и матери по отношению к своим детям, что отражалось предписаниями, продиктованные церковью. В то же время в его тексте не было четкого ответа на вопрос о двойственности родительской власти. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, родительская власть принадлежала обоим родителям, поскольку распоряжаться брачной судьбой своих детей могли не только отцы, но и матери²⁰. А.И. Загоровский же считал, что двоевластие родителей в далеком прошлом “может быть принято только с оговорками”²¹. Что же касается, названия

⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С. 187.

⁹ Там же.

¹⁰ Неволин К. Указ. соч. С. 319.

¹¹ От Корсуня до Калки (Современники о Руси 10–13 веков). М., 1990. С. 479.

¹² Романов Б.А. Указ. соч. С. 130.

¹³ См.: Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль, 1992. С. 6.

¹⁴ См.: там же. С. 11.

¹⁵ Домострой. СПб., 1967. С. 10.

¹⁶ Домострой. Одесса. 1887. С. 45.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М., 1985. С. 299.

¹⁹ Неволин К. Указ. соч.

²⁰ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Вып. 2. Киев, 1886. С. 135.

²¹ Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 269.

“незаконнорожденный”, то теперь оно с точки зрения церкви считалось позорным, а незаконные связи преследовались церковью самым жесточайшим образом.

Таким образом, вопросы, казалось бы, сугубо правового свойства находились под влиянием религии, а проведение четких границ между церковным и светским правом было еще затруднительно. Но в некоторых случаях можно было, например, прибегать к нормам светского права, исходившим от государства. Так, дети лишались права обращения в суд с челобитными на родителей и подлежали за это торговой казни с последующей выдачей их родителям²².

В Московском государстве осиротевшие дети, как и прежде, были предметом особого внимания. Забота о них осуществлялась по-разному. Их отдавали в монастырь, в зажиточные дома, где благочестивые отцы семейств их воспитывали и обучали, а по достижении совершеннолетия отпускали. Подобное устройство осуществлялось, как правило, “на общественных началах”. А крестьянские дети, “оставшись без родителей своих”, поступали на воспитание или родственников, или посторонних людей вместе со своим имуществом²³. Но уже в середине XVII в. получила свое дальнейшее развитие концентрация призрения таких детей в руках гражданской власти. Были созданы приказы, занимавшиеся призрением бедных и сирот.

В 1682 г. был подготовлен проект указа, где впервые ставился вопрос об открытии для нищих безродных детей специальных домов с целью обучения их грамоте и ремеслам, наукам, которые “зело и во всяких случаях нужны и потребны”²⁴. Этот проект как бы завершал эпоху, когда зародилась идея государственного призрения, в основе которой лежали “нужды государства и забота о пользе населения”²⁵, а не соображения, связанные со спасением души. Вместе с тем подобного рода устройство осиротевших детей при необходимости заменяло передачу сироты в семью. Из-за нехватки рабочих государство рассматривало его как будущего работника. Поэтому оно отдавало осиротевших детей частным лицам или церков-

ным учреждениям, позволяя им пользоваться бесплатным трудом своих воспитанников, что рассматривалось как наиболее примитивная форма заботы общества и государства о малолетних, оставшихся без семьи²⁶. В иных случаях оставшийся без родителей ребенок “бил челом во двор к лицу, согласившемуся взять его к себе”, чем обеспечивал свое пропитание²⁷. Здесь еще нет места процессу систематического целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности ребенка, т.е. его воспитанию в современном его понимании. Но имел место процесс превращения несовершеннолетнего в бесправного работника, в чем также было заинтересовано государство, и его заинтересованность удовлетворялась существующим порядком вещей, а не специальными нормативными актами.

Если посмотреть на прошлое, когда уже сформировалось Московское государство, то станут заметными значительные перемены, ставшие предпосылками будущих изменений в нормативном регулировании семейного воспитания. Их появлению не в малой степени способствовал Домострой, который, во-первых, посвящался семье, родителям, детям. Наполненный правилами как обычного, так и церковного права, он по-своему служил переходным этапом к регулированию государством семейных отношений, связанных с семейным воспитанием. Во-вторых, превращал в сугубо правовые предписания правила, относившиеся к семейному воспитанию, которые включал первый в истории России систематизированный закон – Соборное уложение. Были также созданы такие органы государственного управления, как приказы, в чью компетенцию входило и призрение осиротевших детей, постепенно сосредоточившись в руках гражданской власти, т.е. государства, имеющего свой интерес, устройство детей не только в семью, но и в детские заведения. Что же касается прежних традиций: сохранение, укрупнение любой ценой родительской власти, беспрекословное подчинение ребенка родителям, – то они оказались живучими и сохранялись еще не один век.

Исторический период, именуемый “Российская Империя”, включает в себя, во-первых, время правления Петра I и Екатерины II, во-вторых, Россию XIX в.

Считалось, что Петр I “положил твердую границу между древним русским миром и новым”²⁸.

²² Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 3. Акты земских соборов / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Г. Маньков. С. 433.

²³ См.: Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 36.

²⁴ Цит. по: Довгалева А.И. Семейное воспитание приемных детей. М., 1948. С. 7.

²⁵ Максимов Е.Д. Начало государственного призрения в России // Трудовая помощь. 1900. № 1. С. 58.

²⁶ См.: Бахрушин С. Организация попечения о беспризорных детях в Москве. М., 1916. С. 2.

²⁷ Там же. С. 1.

²⁸ Неволин К. Указ. соч. С. 11.

Отныне пресекался обычай продавать “людей” по отдельности²⁹. Петр I на этот счет повелевал: “Оную продажу людей пресечь, а ежели невозможно того будет – вовсе пресечь, то хотя бы по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь”³⁰. А “наипаче от семей, от отца или от матери, дочь или сына помещик продает отчего немалый вопль бывает”³¹. Не оставил без внимания Петр I и вопросы, связанные с родительской властью. Он подтвердил право родителей применять к непокорным детям “домашние исправительные меры”. При их “безуспешности” родителям разрешалось отдавать детей в смиренные дома, приносить жалобу на детей в суд³². Однако Петр I считал, что “дети освобождаются от обязанности повиноваться родителям против своей совести, особенно, в том, что требует собственного их разсуждения и воли”³³. В пору правления Петра I действовало указание на то, что родители властны воспитывать своих детей либо дома, либо отдавать их в общественные заведения “от правительства или частных лиц, учрежденных”³⁴.

Реформаторская деятельность Петра I была связана и с улучшением положения детей, оказавшихся “ненужными”. Он повелевал призывать сирот – “без призрения после родительства оставшихся подкидышей”³⁵. Своим Указом от 4 ноября 1715 г. он предписал устраивать в Москве и других городах “гошпитали для зазорных младенцев, которых жены и девки рожают незаконно и стыда ради отметывают в разные места”³⁶. Не исключалась в устройстве осиротевших детей помощь церкви, монастырей. Это время отличалось стремлением внести какую-то систему в деятельность по устройству осиротевших детей, чтобы она сочеталась с “принципом следования общественной пользе и порядку в личном проявлении милосердия”³⁷. Так государство постепенно сосредоточивало в своих руках заботу о тех, кто нуждался в его помощи. Она к тому же связывалась с государственной пользой, которая дополнялась всякого рода поучениями родителям, детям, совпадающими с проводимой

государственной политикой, в чьи задачи входило внедрение церковных заповедей нравственного порядка.

К числу наиболее распространенных поучений рассматриваемого периода времени, имевших широкое распространение и влияние на семейное воспитание, относятся: “Завещание отеческое к сыну...” Ивана Посошкова, “Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению”, “Духовная моему сыну” В.Н. Татищева.

В своих поучениях И. Посошков наставлял: “Надобно детей учить неоплошно и держати их в великой грозе. Первое, чтобы перед Богом трепетен был, другие, чтобы и вас боялся”³⁸. К тому же “всяко бы зло и безумство родитца от родительские потачки”³⁹. Следовательно, линия на сохранение древней заповеди о покорности в семье детей и всевластии родителей оставались прежней. А “Юности честное зеркало” учило: “Наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать”⁴⁰.

«Молодой отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и “безпокоен”»⁴¹. Здесь же были сформулированы правила поведения, которые предназначались молодым людям, и, надо полагать, и тем, кто еще не достиг совершеннолетия: “часто одного дела не повторять, на стол, на скамью или на что другое не опираться и не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется, но стоять должен прямо”⁴². К тому же нельзя было часто сморкаться, “якобы в трубу трубить”, или “громко чихать”⁴³. Что же касается крестьянских детей, то их каждый крестьянин “должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать и всегда понуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог”⁴⁴. Отсюда делался вывод о воспитании вообще, семейном, в частности, чтобы оно осуществлялось “в духе смирения и полного послушания Богу, царю, родителям”⁴⁵.

Церковные законы продолжали оказывать влияние на семейное воспитание детей, для чего

²⁹ См.: Акты о высших государственных установлениях. Т. I. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945.

³⁰ Там же. С. 92.

³¹ Там же.

³² См.: Неволлин К. Указ. соч. С. 329.

³³ Тютрюмов И. Крестьянская семья (Очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Ч. 1, 2. С. 292.

³⁴ Неволлин К. Указ. соч. С. 326.

³⁵ Цит. по: Довгалева А.И. Указ. соч. С. 8.

³⁶ Брокгауз Д.А., Эфрон И.А. Т. 7. Кн. 13. СПб., 1892. С. 276.

³⁷ Максимов Е.Д. Из истории государственного призрения в России // Трудовая помощь. 1901. № 1–2. С. 35.

³⁸ Посошков И. Завещание отеческое к сыну. М., 1873. С. 53.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению. СПб., 1717. С. 1.

⁴¹ Там же. С. 9.

⁴² Там же. С. 38.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Л., 1982. С. 85.

⁴⁵ Там же. С. 102.

использовались всевозможные каналы воздействия на религиозного человека. Государство действовало косвенным образом с помощью общих предписаний, адресованных родителям, авторитет которых продолжал всячески поддерживаться как церковью, так и государством. Другими словами, взаимосвязь государства с семейным воспитанием начинает обнаруживать себя все более отчетливо.

В пору правления Екатерины II, во-первых, продолжала царить родительская власть. Вместе с тем российское законодательство по-прежнему не дает перечня ограничений родительской власти, если мать/отец ею злоупотребляли. Поэтому “самые безнравственные родители, поведение которых самым развращающим образом действует на детей, страдающих морально и физически, сохраняют всю полноту своей власти, как и родители безукоризненной нравственности и вполне чадолюбивые”⁴⁶. Иначе говоря, государство весьма своеобразно проявляло свою активность в защите интересов ребенка, создавая “смирительные дома”, предназначенные для сыновей и дочерей, “кои родители своим непослушны или пребывают злого жития, ни к чему доброму не склонны”⁴⁷. Кроме того, согласно ст. 378 Указа “Учреждения для управления губерний” в каждой губернии создавались приказы общественного призрения, в чью компетенцию входило “установление и надзиранье сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужского и женского пола, оставшихся после родителей без пропитания”. Налицо свидетельство проявления роста государственной заботы о детях, лишившихся возможности воспитываться в семье, тем более что содержались эти приказы на средства, жалуемые из казны императрицы. На каждую губернию приходилось 15 тыс. руб. из ее доходов. И Закон предписывал: “С семи деньгами поступать так, чтобы действительно обращены были в пользу тех установлений и отнюдь утрачены не были понапрасну, и не были бы обращены на другие употребления, или бы не пропадали злоупотреблениями от части или вовсе”⁴⁸. Приказу общественного призрения разрешалось отдавать эти деньги “в узаконенные проценты”, на “верные заклады на основании дворянского банка”, “умножать свой капитал и принятием от доброхотных людей к благим установлениям добровольного подаяния, что кому

разсудится и для которого установления за благо разсудит назначать, так и употреблять”⁴⁹.

Так укреплялись финансовые основы деятельности государства, в частности по устройству детей-сирот под опеку (попечительство) в семью, способную заменить родительскую. Однако такое устройство осуществлялось с учетом сословной принадлежности ребенка, нуждающегося в государственной защите. Существовала, например, опека дворянская для дворянских вдов и малолетних, опека над сиротами купцов, мещан и др. В пору царствования Екатерины II не только был закреплен принцип сословности в деле устройства нуждающихся в помощи детей, но и зафиксированы правила административно-организационного характера, где нашли свое отражение предписания сугубо нравственного порядка, находившие ранее свое место главным образом в различного рода поучениях, церковных заповедях. Теперь они стали частью Закона, исходящего от государства.

В 1782 г. Екатерина II подписала Устав благочиния⁵⁰. В одной из его редакций сказано: “Родители суть властелины над своими детьми; природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию”⁵¹. “А дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь и служить им самым делом, словами же и речами отзываться об них с величайшим почтением, сносить родительские поправления и увещевания терпеливо, без ропота, и да продолжится почтение и по кончине родителей”⁵². Так, уже в Законе закрепляются сложившиеся веками церковные предписания. К ним прибавляются различного рода запреты, касающиеся всех и каждого, оказывающие влияние и на несовершеннолетних: например, говорить громко, кричать, хохотать, шуметь в церкви, пьянствовать, употреблять бранные или непотребные слова в общепубличном месте или при людях благородных, или выше его чином, или при женском поле⁵³. Подобным образом формировались нравственные качества и детей с помощью Закона, выражавшего волю государства.

В деятельности Екатерины II, находившейся под влиянием западноевропейских просветительских идей, особое место занимает устрой-

⁴⁶ Загоровский А.И. Указ. соч. С. 314.

⁴⁷ Российское законодательство Х–XX веков. В 9-ти т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома Е.И. Индова. М., 1987. С. 267.

⁴⁸ Там же. С. 260.

⁴⁹ Там же. С. 261.

⁵⁰ См.: Загоровский А.И. Указ. соч. С. 178.

⁵¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права”. Вып. 2. Киев, 1886. С. 140.

⁵² Неволлин К. Указ. соч. С. 328.

⁵³ См.: там же. С. 359.

ство осиротевших детей. Она предписывает устраивать их, во-первых, в сиротские дома, во-вторых, в семью. Причем, “если же устройство сиротских домов будет неудобно или потребует издержек, кои отнимут способы к оказанию призрения большому числу сирот, то приказ отдает неимущих сирот за умеренную плату надежным добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы предоставить их во всякое время приказу”⁵⁴. Такова выдержка из ст. 301 Указа “Учреждения для управления губернией”, т.е. закона в части, касающейся процедуры устройства осиротевших детей. Здесь уже речь идет о предусмотренном государством способе защиты осиротевших детей – в семью или детское учреждение. Что же касается последнего, то особое место среди таких учреждений занимали воспитательные дома – учреждения государственные⁵⁵. Первый из них был построен в 1764 г. в Москве, второй – в 1772 г. в Петербурге. Найденного ребенка принимали от “всякого принесшего”, а за каждого принесенного младенца выплачивалось два рубля “за труд доставления”. В воспитательном доме предстояло создать “совершенно новую породу людей”⁵⁶, детей-граждан, способных служить Отечеству делами рук своих в различных искусствах и ремеслах⁵⁷.

Манифест Екатерины II “Об учреждении в Москве Воспитательного дома с особым гошпиталем для неимущих родильниц” призывал создавать “сиропитательницы” в других городах. По частной инициативе благотворителей они открылись, например, в Новгороде, Воронеже, Оренбурге. А согласно Своду законов общественного призрения они учреждались и государством как “сиротские дома” для призрения и воспитания сирот “мужеска и женска пола”. Ребенку, находившемуся в сиротском доме, предстояло находиться там до трех лет, после чего он передавался в один из столичных воспитательных домов⁵⁸. Но идея создать так называемое “третье сословие” потерпела крах из-за чрезвычайно высокого наплыва детей в воспитательные детские дома, их высокой смертности. Поэтому практиковался иной способ их

устройства: передача детей в деревенские семьи за плату (2 руб. в месяц).

Таким образом, в пору царствования Екатерины II использовались разные способы устройства осиротевших детей. И они носили уже ярко выраженный государственный характер. А к родительской власти, положению детей в семье отношение оставалось прежним. Но уже все более четкой становится церковная заповедь, которая, по сути, являлась своеобразной разновидностью ответственности родителей за семейное воспитание своих детей, что нашло свое отражение в словах – родители за детей своих перед Богом в ответе. “Он вас за них сильно истязет”⁵⁹. В то время имело место и поучение, где говорилось: не обучать ребенка “по-французски, немецки, итальянски”, “светской политике” греха нет”. “А что в добрых правах не наставите – суда Божьего и истязания не избегнете”⁶⁰.

Налицо своеобразные предписания, адресованные родителям, часть которых со временем была отнесена к их обязанностям, предусмотренным законом. Что же касается наставлений детям, то они сохраняли прежние к ним отношение, воспитывающее у ребенка чувство страха и унижения.

Родительская власть по-прежнему пользовалась, особенно у крестьян, таким уважением, что иногда родительская воля “получает какое-то религиозное освещение”⁶¹.

В середине XVIII в. многие правила, предназначенные для семейного воспитания, именуемые наставлениями, определялись на местах. Например, Тобольское наместническое правление “сочинило” предписание, где говорилось об обязанностях крестьянской семьи прививать детям навыки по домоводству и хлебопашеству и “ко всякой другой сельской работе”⁶².

Обобщая сказанное относительно нормативного регулирования семейного воспитания в период царствования Петра I и Екатерины II, т.е. в эпоху, обозначаемую как “Российская Империя”, нетрудно заметить, как постепенно становится все более активным участие государства в правовом регулировании семейного воспитания, которое сочетается с церковными заповедями, ста-

⁵⁴ Стог А.Д. Об общественном призрении в России. Ч. 1–2. СПб., 1818. С. 65.

⁵⁵ Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб., 1901. С. 23.

⁵⁶ Там же. С. 28.

⁵⁷ Ошанин М. Указ. соч. С. 13.

⁵⁸ См.: Засецкий Н.А. О призрении незаконнорожденных детей и подкидышей вообще, и в частности о земских воспитательных домах и о принципах, которые должны быть положены в основу их реорганизации. Казань, 1902. С. 7.

⁵⁹ Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. М., 1889. С. 102.

⁶⁰ Там же. С. 118.

⁶¹ Тютрюмов И. Указ. соч. С. 294.

⁶² Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 141.

ринными, патриархальными, домостроевскими воззрениями. Все они становятся традициями, т.е. исторически сложившимися и передаваемыми из поколения в поколение обычаями, нормами поведения, взглядами и др.⁶³ Одни из них вызывают уважение, полезны и целесообразны, а потому нуждаются в сохранении и, может быть, дальнейшем усовершенствовании, другие представляют интерес только как признаки далекого прошлого. К первым, несомненно, относится воспитание трудолюбия у подрастающего поколения, к числу последних – превращение ребенка в бессловесный, беззащитный предмет родительской власти.

Начало XIX в. ознаменовалось Отечественной войной 1812 г., оказавшей влияние и на стремление изменить многое в государственном устройстве России, что нашло свое отражение и в событиях декабря 1825 г. Их участники стали именоваться *декабристами*, к которым принадлежал и П.И. Пестель, составивший наказ Временному верховному правлению, именуемый Русской Правдой⁶⁴, где содержались предложения, касавшиеся не только нововведений государственного масштаба, но и связанных с содержанием законов, определивших “сношения семейные”⁶⁵. Примечательно, что, по мнению П.И. Пестеля, в их число входили те, что имеют прямое отношение к семейному воспитанию, влиянию государства на процесс его осуществления:

“дети обязаны с глубочайшим и нижайшим высокопочтением относиться к своим родителям в продолжение всей своей жизни и во всех возможных случаях;

родители “имеют над детьми полную личную власть, до совершеннолетия детей, то есть до 20 года их возраста”;

родители обязаны выучить детей какому-нибудь ремеслу, способному обеспечить им средства к пропитанию;

дети “обязаны родителей своих в старости почитать и пропитывать, обращаясь, когда нужно, к общественным вспоможениям”;

дети “незаконнорожденные ставятся наравне с подкидышами и детьми, коих родители неизвестны”⁶⁶.

Таким образом, сложившиеся веками традиции, связанные с семейным воспитанием, сохра-

нялись, но предполагалось в перспективе облечь их в правовую форму. Вместе с тем в то же время появилось государственное предписание в виде правительственного постановления, содержащее правило о том, что дети в возрасте от 10 до 18 лет “должны быть воспитаны внутри России”⁶⁷.

Для середины XIX в. характерно усиление ответственности детей за неповиновение родительской власти, что нашло свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в ст. 1591 которого говорилось: “Сын или дочь, дерзнувшие одному из родителей своих или обоим нанести раны или увечье или причинить иное телесное повреждение”, подвергаются наказанию⁶⁸. Но примечательно, что ст. 1587 Уложения предусматривает и ответственность родителей за злоупотребление родительской властью. Вместе с тем сохраняется государственная защита родителей путем установления уголовной ответственности за умышленное убийство отца или матери в виде бессрочной каторги. Что же касается гражданского законодательства, то оно было обобщено в появившемся в 1830 г. Своде законов Российской империи, впитавшем опыт прошлого. Одновременно в его тексте нашли место и правила, правовые предписания, надобность в которых диктовалась временем, стремлением государства укрепить свои позиции в правовом регулировании семейных отношений, в том числе касающихся семейного воспитания.

Свод законов Российской империи продолжал сохранять пietet, неколебимость родительской власти. Причем воздействие государства на процесс семейного воспитания осуществлялось преимущественно косвенным образом путем возложения на родителей соответствующих обязанностей, тем более что Российское государство вплоть до начала XX в. возлагало заботу о своих детях прежде всего на родителей⁶⁹.

В подобном перечне родительских обязанностей обращается внимание, во-первых, на формирование нравственных качеств ребенка, во-вторых, на его воспитание в семье, в-третьих, воспитание, “содействующее видам правительства”, иными словами – государства. Его позиция выражена в законе четко и недвусмысленно, не страдает неопределенностью. Что же касается детей, то и они наделяются определенными обязанностями, опять-таки сформулированными государством.

⁶³ См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 1337.

⁶⁴ См.: Пестель П.И. Русская Правда. СПб., 1906.

⁶⁵ Там же. С. 179.

⁶⁶ Там же. С. 221.

⁶⁷ Неволлин К. Указ. соч. С. 329.

⁶⁸ См.: Свод законов уголовных. Т. XV. СПб., 1885.

⁶⁹ См.: Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. 1914.

Сюда входят правила, зафиксированные в ст. 77 Свода:

оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь;

служить им на самом деле;

отзываться о них с почтением;

сносить родительские увещевания и исправления терпеливо и без ропота.

Так выглядят переложённые на язык закона сложившиеся веками, имеющие религиозное наполнение положения, имеющие прямое отношение к нормативному регулированию семейного воспитания.

Как и прежде, в начале XIX в. предметом государственной заботы оставалось устройство осиротевших детей в различного рода учреждения, заведения. Но если законодательство предыдущих лет всячески способствовало централизации их устройства в воспитательные дома, приюты, то теперь центр тяжести переносится на различные виды оказания им помощи. Появился Указ о выдаче пособия бедной матери, которая не в состоянии воспитывать детей собственными средствами⁷⁰. Но желающих получить это пособие “явилось такое множество, что пришлось прибегнуть к сокращению расходов” и в конце концов к прекращению их выплат. В то же время появилось так называемое “городское воспитание”. Его суть заключалась в предоставлении матери возможности за определенную плату воспитывать своих детей дома до достижения ими семилетнего возраста⁷¹. А приносимые в воспитательный дом, приют дети отсылались в деревню “с воспрещением обратного их поступления в это заведение”⁷². Надзор за детьми в таких случаях входил в обязанности окружных надзирателей и главным образом врачей⁷³. Существовал даже запрет на создание детских учреждений за государственный счет. Они стали возникать в основном за счет частной благотворительности, церкви, монастырей. Для руководства такими приютами создается Комитет главного попечительства и разрабатывается Положение о детских приютах. В их задачу входило “приучение детей к труду, повиновению и опрятности”⁷⁴. Пришедшая в приют нуждающаяся мать была вправе получать помощь (деньги на дорогу, покупку молока, по-

собие для уплаты воспитательнице)⁷⁵. Она могла находиться в приюте со своим ребенком. Когда она выходила с ним отсюда, ей продолжали выплачивать на него пособие (в день 30 коп. в течение первого года, 20 коп. – на втором году жизни ребенка), после чего выплата прекращалась. В то же время практиковалось соединение родильного приюта с воспитательным, что позволяло перевести ребенка вместе с матерью в воспитательный приют.

Для второй половины XIX в. характерно закрепление устройства осиротевших детей за организациями, в ведении которых находились отдельные группы населения, отдельные владельцы и ведомства. Им предстояло “тщиться” о своих подданных. Более разнообразной становилась практика устройства осиротевших детей на местах. Были учреждены приюты для младенцев и детей более старшего возраста, созданы сельские приютные дома для подготовки “хозяйственных крестьян”. Налицо поиск разнообразных видов устройства детей-сирот. Тем не менее императрица Мария Федоровна, в чье ведомство входило большинство приютов, констатировала: “Результаты воспитания оказались в сплошном почти вымирании призревавшихся, а воспитательное значение выразилось в совершенной непригодности выросших воспитанников к самостоятельной трудовой жизни... Они оказались менее всех граждан полезными своему Отечеству и дошли до последующей степени падения”⁷⁶.

Обобщая все сказанное относительно участия государства в нормативном регулировании воспитания детей, в том числе семейного, надо сказать, что в XIX в. степень такого участия увеличилась главным образом за счет появления Свода законов Российской империи. Что же касается судьбы сирот, то забота о них стала более разнообразной, что свидетельствует о стремлении сделать ее более эффективной. Но при всем различии ее способов выделяются три категории нуждающихся в государственной поддержке детей. В первую входят осиротевшие дети крепостных крестьян, которые в соответствии с Общими положениями о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (1861 г.), возлагали на крестьянские общины обязательное призрение круглых сирот⁷⁷. Государственная забота об осиротевших детях осуществлялась, во-первых, ведомством императрицы

⁷⁰ См.: Ошанин М. Указ. соч. С. 15.

⁷¹ См.: Яблоков Н.В. Указ. соч. С. 40.

⁷² Цит. по: Довгалева А.И. Указ. соч. С. 17.

⁷³ См.: Яблоков Н.В. Указ. соч. С. 51.

⁷⁴ Педагогическая энциклопедия. Т. 3. М., 1966. С. 510.

⁷⁵ См.: Ошанин М. Указ. соч. С. 42.

⁷⁶ Там же. С. 15.

⁷⁷ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1989. С. 72.

Марии Федоровны, за которым закреплялись столичные и некоторые другие воспитательные дома, во-вторых, земством на местах. Земские учреждения действовали на основании Земского положения. Им надлежало преодолеть “косность и бездушие” приказов общественного призрения в “деле устройства жизни осиротелого, покинутого детства”. В их задачу входило привлечение внимания русского общества к защите детей-сирот, в том числе уменьшить смертность тех, кто воспитывался в приютах, воспитательных домах, а также посланных в деревню. Другими словами, земская деятельность, занявшая особое место в истории России, сводилась к сохранению жизни ребенка, избавлению его от болезней, порожденных бедностью.

Таков определенный прогресс в процессе нормативного регулирования семейного воспитания и воспитания несовершеннолетних, потерявших свою семью, впитавший в себя многовековые традиции, совпадающие в принципе в своей основе с теми, что поддерживались государством веками. Но с преобразованием России в государство иного типа возникла необходимость не только в корне изменить государственное устройство нуждающихся в том детей, но и реализовать коммунистическую идею о передаче всех несовершеннолетних на воспитание государства, поскольку семье предстоит прекратить свое существование. Поэтому надо было осуществить реформу колоссального масштаба – национализировать детей, поскольку “ни семья, ни отдельные лица или группы лиц не могут поставить и выполнить колоссальную задачу воспитания так рационально, как все общество, все государство”⁷⁸.

Таким образом, отныне все функции регулирования отношений, связанных с воспитанием детей, должны были перейти к государству. Однако семья продолжала жить, что не могло не отразиться на вновь принятых законах. Но после ликвидации понятия “родительская власть” по-прежнему в первом Семейном кодексе 1918 г. говорилось о личных правах и обязанностях детей и родителей с одной очень важной оговоркой: “Родительские права осуществляются исключительно в интересах детей, и при неправомерном их осуществлении суду предоставляется право лишить родителей этих прав” (ст. 153 Кодекса). Следовательно, во-первых, никакая национализация детей даже не начиналась, во-вторых, государство подчеркивало, что интересы ребенка имеют приоритетный характер, что относится к незыблемым поло-

жениям до сегодняшнего дня. Но заложенная в первые годы становления РСФСР идея об ответственности за воспитание несовершеннолетнего, в первую очередь государства, а не родителей, оказалась живучей, способствующей безответственности родителей за семейное воспитание ребенка. Заслуживает внимания и определение в этом кодексе цели воспитания – подготовка несовершеннолетних к полезной деятельности, что, несомненно, и в интересах государства. Надо сказать, что подобного рода цель, несколько видоизмененная в сторону расширения и уточнения, находила свое отражение в Семейных кодексах 1926, 1969 гг.

Особое место в государственной деятельности по защите детей занимала в то время борьба с беспризорностью, порождаемой нуждой, сиротством, голодом, “беженством”, войной, безработицей⁷⁹. Беспризорность росла под влиянием отсутствия достаточного интереса к воспитанию ребенка – его материальному благополучию, образованию, обеспечению ему разумных и здоровых развлечений, устранению от него опасных социальных явлений⁸⁰. Такое отсутствие объяснялось прочностью идеологии, так называемого общественного воспитания.

Этим обстоятельством в совокупности с различного рода трудностями можно объяснить, почему в 30-е годы в детские дома устраивали и по просьбе самих родителей, которые потом скрывались⁸¹. Так появился термин “полусирота”.

Трудности первых десятилетий существования РСФСР сочетались с активностью государства по спасению несовершеннолетних, осиротевших в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), которая лишила тысячи и тысячи детей семьи, родителей, усложнило семейное воспитание детей. А после войны (в 1952 г.) Совет Министров СССР принял постановление “О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР”⁸², где обращалось внимание на то, что “не принимаются меры к устройству детей, оставшихся без родителей, и детей, нуждающихся в помощи государства”. Кроме того, в 1954 г. Советом Министров РСФСР был утвержден новый Устав детского дома, а несколько позже созданы школы-интернаты на 500 детей, предназначенные не только для

⁷⁸ См.: Детский дом и борьба с беспризорностью. М., 1928. С. 25.

⁷⁹ См.: Люблинский П.И., Копелянская С.Е. Охрана детства и борьба с беспризорностью. Л., 1924. С. 7.

⁸⁰ См.: там же. С. 17.

⁸¹ См.: Детский дом и борьба с беспризорностью. С. 8.

⁸² См.: Справочник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. Т. I. М., 1962. С. 516.

сирот, но и для тех, у кого были родители. Однако при этом сохранялись всякие ограничения в общении с ними детей.

Таков еще один пример сохранения приоритета общественного, а не семейного воспитания. А переломным моментом в направлении нормативного регулирования семейного воспитания

стала Конституция СССР 1977 г., ст. 53 которой провозглашала: “Семья находится под защитой государства”⁸³, после чего все последующие нормативные акты коренным образом изменили свое отношение к правовым предпосылкам семейного воспитания.

⁸³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.